

анастасия вепрев

на сохранении

18+

Эта проза остроумна,
резва и горька – здесь
сочетаются ранее не сочетаемые,
но волнующие нас и нужные нам вещи.

Полина Барскова

Анастасия Вепрев На сохранении

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72964717*

На сохранении: Лайвбук; Москва; 2026

ISBN 978-5-907784-72-7

Аннотация

Рождение ребенка может стать самым радостным событием в жизни. Но подчас для матери беременность – опыт, полный тревог и дискомфорта, особенно если необходимо покинуть дом и лечь в больницу на сохранение. Попасть в чужую обстановку, к незнакомым людям. Оказаться одной там, где более всего требуется забота и понимание других.

Автобиографическая книга Анастасии Вепрев – это откровенный дневник, в котором есть все: опыт беременности и больничные будни, теплота человеческого общения и казенный рационализм системы, страх перед будущим и бесконечная надежда на лучшее. И в конце концов – обновление и появление еще одной жизни, равное чуду.

Содержит нецензурную лексику

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	8
Первый день	8
Второй день	20
Третий день	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анастасия Вепрев

На сохранении

© Анастасия Вепрев, 2025

© Карины Садреевой-Нуриевой, иллюстрация на обложке, 2011-2012

© ООО «Издательство „Лайвбук“», 2025

Предисловие

«Если бы мужчины рожали, то в мире не было бы войн». Эту ставшую притчей во языцех максиму приходится повторять и сегодня, когда человечество переживает самый большой после Второй мировой войны кризис в своей истории.

Книга Анастасии Вепрев посвящена сохранению одной – зарождающейся внутри нее – жизни. В описываемых автором событиях нет ничего эксклюзивного, не происходит никакой идеализации женщины как носительницы уникального опыта и будущей матери. Но в этой типичности скрывается достоинство каждой женщины, попавшей внутрь системы дородового вспоможения. Разумеется, у каждой есть своя уникальная история прохождения беременности и родов, но всех объединяет универсальный женский опыт и неснимаемое половое предназначение. Неснимаемое, пока вынашивание плода все еще требует женского тела, пока не изобрели искусственную матку, пока мужчины не научились рожать...

События в книге Анастасии разнесены по времени на полгода. Первая часть повествует о похождениях героини по дородовым отделениям для беременных. Вторая – непосредственно о днях перед родами и самих родах. Третья – послеродовые эго-документы женщины: письма, диагнозы, дневниковые заметки. Автор буквально, не метафорически регистрирует будни беременной женщины на основе собственно-

го опыта. В них, на первый взгляд, нет ничего героического. Но у многих мужчин, узнавших подробности этих дней, волосы встают дыбом и выступает холодный пот. Вот как у меня после прочтения. А что же женщины? Почти у каждой из них есть собственная история родов, а также истории их матерей, бабушек и сестер. Можно было бы назвать это многовековым коллективным женским эпосом. Но только литература выводит эту речь из анонимности, индивидуализируя женский опыт.

Анастасия Вепрев скрупулезно и натуралистично описывает от первого лица все производимые с ее телом манипуляции (местный наркоз открывает и такую возможность), а также собственные физические и психологические ощущения, испытываемые при этом. Но все-таки берусь сказать, что это не натурализм и не психологическая проза. Телесная боль и погружение в чувства у автора никогда не замкнуты внутри себя. Героиня проносит свой опыт не в вакууме. Она эмпатична к другим – таким же, как она, женщинам: соседкам по палате и сотрудницам женских консультаций, больниц и родильных домов. Особенно ценна наблюдательность Анастасии Вепрев в описании диалогов самых обычных рожениц, соратниц по судьбе. Посреди бездушной бюрократической машины демографии на первый план выходит человеческий фактор.

Конечно же, важны специфический юмор и самоирония Анастасии, позволяющие читателю подключиться к повест-

вованию и соперживать героине. Время движется медленно, вбирая в себя всю выморочность ожидания и скуки. Кажущейся скуки, за которой ужас неизвестности. Анастасия Вепрев не отказывается от нарративного «я», и ее крепкая личная история держит и не отпускает. Она доверяет нам пройти вместе с ее героиней через опыт беременности, будто с помощью вынесенной вовне боли.

«На сохранении» – антимилитаристская и гуманная проза, которой так недостает сегодня. Это личный и негромкий «гимн» жизни, воспевающий сквозь сжатые зубы ее ценность. Гимн, после которого меркнут все риторические рюши о высшем предназначении женщины и долге материнства. Хотите знать, каково это – рожать, спросите у женщин.

Роман Осминкин

Часть 1

Лето. На сохранении

Первый день

В душный летний вечер пошарпанная скорая доставила меня в приемное отделение известной мне больницы с наспех собранной сумкой, в домашней одежде, в панике и в кровавых трусах. Посадили на лавку, сказали ждать. Полчаса назад я сама вызвала ее к себе домой, потому что страшно испугалась, увидев, как из меня выливается кровь. В целом, это достаточно стандартное для женщины явление, однако не тогда, когда она беременна. У меня же до этого момента благополучно шел первый триместр, и прекращать его я совершенно не планировала. Увидев кровь, я начала паниковать, полезла в Интернет, прочитала там, что это все, край, конец, катастрофа, и незамедлительно набрала «112». Скорая приехала быстро. Вошли двое очень уставших людей – мужчина и женщина. Она внимательно меня осмотрела и сказала:

– Тебе невероятно повезло, что сегодня дежурит именно эта больница. Она лучшая из возможных – не уппусти шанс там пролечиться. А то я знаю таких – только их забрали, под-

лечили, а они обратно домой бегут раньше времени. А потом снова скорую вызывают, и я их в больницу упаковываю. Ты, главное, отлежи, сколько нужно, тогда все будет хорошо.

Я не особо вняла ее разговорам, ибо последний раз каталась на скорой очень давно и благополучно забыла этот неприятный опыт. Похватав на ходу в сумку все, что попало мне на глаза, и вцепившись в сильную руку врача скорой помощи, я стала осторожно спускаться вниз по нашей высокой и крутой лестнице.

В машине меня положили на каталку, пристегнули, и мы поехали. По пути врач все приговаривала «Как же тебе повезло», а я задумчиво смотрела в окошко на потолке скорой. Небо сменялось проводами, мелькали столбы и зеленые кроны деревьев. Ветки качало, меня укачивало, в машине было душно.

Наконец-то больница. С виду – заброшенное здание в глухом лесу. А действительно ли мне так повезло, как меня уверяли ранее? Внутри я начала осматриваться. Вокруг было пустынно и сонно. Уставшие врачи изредка и молча проходили мимо. Передо мной в коридорной очереди оказалось две женщины. Первая – лет тридцати, высокая, стройная, с укладкой на голове и в длинном цветастом платье, совсем без вещей, – она нервно вышагивала туда-сюда по коридору. Дежурная медсестра предложила ей присесть, но она, резко вздрогнув, отрицательно замотала головой. Другая женщина – грустная, коренастая, около пятидесяти, сидела рядом со

мною на лавочке. У нее было много вещей – аж две большие спортивные сумки: либо ей хватило уверенности спокойно и быстро собраться в больницу, либо она заранее знала, что она там окажется. Не знаю, возможно, она просто имела под рукой две сумки и накидала туда все, что могла – чайник, книгу, мяч, купальник, кроссворд и массажер для лица. От скуки я начала вообразить лишнее.

Долгое и скучное ожидание прервала медсестра, которая быстро выскочила из ниоткуда и с недовольным лицом прошмыгнула мимо нас, захлопнув дверь кабинета. Там она пошуршала немного и скомандовала:

– На кровь в порядке очереди!

На двери огромными буквами было написано, что вход возможен только в сменной обуви. Я растерялась и не сразу вспомнила, взяла ли ее вообще. В панике я стала потрошить свою сумку, нашла одну шлепку, потом другую, уронила остальное на пол, сумку тоже уронила, громко выругалась, затолкала все обратно, потом обнаружила, что теперь и кроссовки лишние, попыталась запихать их туда же, ничего не вышло, потому что только один кроссовок влезал, а другой вываливался. Затем я подумала, что надо бы было вначале надеть на них пакет, а потом уже пихать в футболки, но было уже поздно, пакет порвался. Наконец я затолкала все в сумку и выдохнула. Сидящая рядом со мной грустная женщина тоже выдохнула, перестала внимательно на меня смотреть, молча достала из кармана бахилы и нацепила их на

свою обувь. Так тоже можно было сделать. Женщина в платье куда-то пропала, а грустная зашла в кабинет. Я осталась одна в коридоре рассматривать облупившуюся штукатурку. Время тянулось очень медленно. Наконец грустная женщина вышла обратно, держась за замотанный палец. Вызвали меня. Бросив вещи в коридоре, я зашла в кабинет.

Медсестра стала еще недовольнее, чем была до этого. Она вытирала с пола лужу крови, а потом опрыскала пол, стол и стул антисептиком. Я сразу же вспомнила, как однажды сдавала кровь в поликлинике и зашла в кабинет ровно в момент истерики медсестры в адрес испуганной старушки:

– Я ей говорю «зажми», а она не слушает! Говорю «зажми», а она не слушает! Ну что за люди пошли? Я им говорю, а они не слушают! Все залила тут, коза резаная, своей кровью, все забрызгала, как коза резаная!

Эта медсестра не кричала, но в мыслях явно грязно ругалась на всех пациентов. Она велела мне сесть и вытянуть руку. Никакой плоскости при этом не предложила, поэтому моя рука осталась висеть в воздухе. Медсестра взяла лезвие и со всей силы уколола мой безымянный палец, словно ударила гарпуном в проплывавшую мимо рыбину. Но рыба оказалась скользкой, а третий закон Ньютона еще никто не отменял, поэтому неожиданно для нас обоих мой палец отпружинил назад и на обратном пути прилетел в лицо медсестре. Она окончательно разозлилась.

– Сейчас буду второй раз колоть!

– Извините. Можно, я хотя бы руку на стол положу? – сконфуженно пробормотала я.

Она согласилась, но второй раз, видимо из вредности, вонзила гарпун посильнее. Пришлось терпеть.

Израненная морально, я была отправлена обратно в коридор. Там дежурная сестра отдала мои документы и велела идти в тот кабинет, куда ожидала очереди грустная женщина с сумками. А в коридоре снова наматывала круги первая дама в цветастом платье, в очередной раз в резкой форме отказываясь от предложения присесть. Наконец к ней вышел молодой симпатичный врач. Он был хорошо и дорого одет, однако смотрел холодным волчьим взглядом и на ходу жестко натягивал на руки хирургические перчатки. Вместе они зашли в проктологический кабинет. В тот момент я внезапно обнаружила эту вывеску прямо перед глазами и засомневалась, а в роддоме ли я вообще. Все стало крайне подозрительно. Может быть, мне «повезло» влипнуть в историю, а не вылечиться. Кто знает. Спустя несколько минут молодой врач и дама вернулись – он был так же холоден, а она, наоборот, покраснелась, верхние пуговицы были криво застегнуты, наружу вылез спортивный лифчик, а сама она взволнованно теребила подол цветастого платья.

В этот момент я отвлеклась на грустную женщину, она посмотрела на меня настороженно и, забрав все свои сумки, зашла в гинекологический кабинет, расположенный рядом.

Я вновь осталась одна в коридоре, было уже около деся-

ти вечера. Я рассмотрела все пузыри лака на стенах и обратила внимание на то, как странно я одета. Внезапно это показалось мне важным. На мне была ярко красная футболка с какой-то фразой по-немецки (целую пачку таких футболок мне выдали однажды в летней школе на одном театральном фестивале в Рейне, и сносу им не было). Под футболкой – льняная бежевая юбка средней длины с разодранным аж до пояса боком, в котором проглядывали трусы. Мой костюм завершал деловой темно-серый пиджак – так я пыталась выглядеть поприличнее. Все три вещи чудовищно не сочетались между собой, хотя разрез с трусами и смещал ракурс этой вопиющей стилистической пошлости на пошлость обыкновенную.

Внезапно из гинекологического кабинета раздался вой и прервал мои мысли. Он пронесся через весь коридор и вернулся подавленным эхом. Я испугалась за грустную женщину. Что же там такое произошло, что она так воеет? Может, узнала что-то страшное? Мне стало не по себе – вдруг я тоже что-то такое узнаю? Ведь из меня течет кровь, наверняка это уже почти ребенок из меня вытек! Тут меня отвлекла подошедшая докторка, на удивление спокойная женщина средних лет, и начала опрос прямо в коридоре. Я засмушалась, конечно, но что было мне делать?

– ВИЧем, гепатитом, сифилисом болеете?

– Н-н-нет.

– А раньше болели?

– Вроде н-нет.

– Что сейчас?

– К-к-кровь.

– Покажите.

– В-вот.

– Хм-м-м.

Докторка увлеченно что-то записывала в блокнот, а я уставилась на ее халат с грязными пятнами – не такими, конечно, словно она только что вышла из мертвецкой, но достаточно большими. Время от времени она еще и вытирала об него руки. Я перебирала в голове образы знакомых врачей: один наглаженный чистый халат, другой наглаженный чистый халат и т. д. Она прервала мой ход мыслей удивленным восклицанием:

– Почему вам не удалили кисту?!

– Сказали, что уже поздно и нельзя ничего удалять.

– Они там в вашей женской консультации совсем дураки, что ли?

Я незамедлительно перенеслась в памяти на мое первое УЗИ-обследование. Тогда мне сказали следующее:

– Ну, в целом у вас все хорошо. Однако киста, конечно, большая. Как вам вообще удалось с ней забеременеть? Это поистине чудо!

– А удалить ее нельзя?

– Ну, потом, может быть, после родов. Если она, конечно, не вырастет или не лопнет.

– Что, простите?

– Ну, может, лопнет, а может, и не лопнет, как повезет. Вы, главное, не бегайте, ничем не занимайтесь, ходить быстро не стоит, ванну я бы тоже не принимала, вы, главное, побольше лежите и не нервничайте.

После таких слов я всегда начинаю нервничать еще больше. В голове продолжала громыхать фраза «дураки?», и я вернулась обратно в больничный коридор. Докторка закончила опрос, и в этот момент грустная женщина с сумками вышла из кабинета уже совершенно разбитая. Меня запустили туда следующей. Кабинет не сильно отличался от коридора в плане технической оснащённости, единственное, что там можно было сделать, – это лечь на кушетку без трусов, чтоб тебя осмотрели чудо-чувствительными руками. Город-миллионник, дежурная больница, маточное кровотечение, осмотр руками и глазами. Действительно, мне невероятно повезло! Врачи в смотровом похмыкали, поизучали мои трусы, что-то записали и сухо велели подняться на лифте на шестой этаж.

А где лифт, мне не объяснили. Я вышла в коридор и краем глаза уловила силуэт грустной женщины, исчезающей где-то вдали. Было очень поздно, в коридоре мигала и шумела люминесцентная лампа, и я незамедлительно отправилась за призраком женщины с сумками. Лифт оказался прямо за углом.

На этаже меня встретили сонные медсестры, выдали пач-

ку постельного белья, крошечную бумажку с расписанием моих анализов и уколов и отправили в соседний процедурный кабинет. Там другая медсестра объявила, что собирается сделать мне укол прогестерона. Я стояла в недоумении, глядя, как она собирает шприцы, пока она не гаркнула:

– Чего ждем?!

– А чего надо?

– Попу!

– А. А-а-а-а!

Медсестра со всей дури, пока я стояла с задернутой юбкой, всадила в меня первый укол, как кобыле в стойле, – было очень больно! Затем сразу же засандалила второй – мне стало невероятно больно, как будто мне попали в нерв. Я заорала как резано-колота. Она возмутилась:

– А че зажалась? Надо было расслабиться. Сами и виноваты!

Схватившись за горящую ягодицу, я, прихрамывая, выползла обратно в коридор. Куда дальше и на какие еще пытки мне идти?

– Эту в шестьсот шестую палату, где все беременные, а ту надо в пустую, чтоб она всех с ума не сводила, – еще не видя меня, обсуждали медсестры.

– Мне куда? Извините, – нарисовалась я перед их глазами.

– Во-о-он туда, в конец коридора идите, – отмахнулись они от меня и продолжили диалог:

– Ну кто ж ей сейчас ночью будет выскабливание делать?

Ты, что ль?

– Ага, щас, разбежалась! Нафиг надо? Потерпит.

Я доползла до своей палаты, где заняла единственную свободную (пятую) койку в самом центре, бросила туда вещи и пошла искать туалет. Он оказался в другом конце коридора – маленький, тесный, грязный и без замков. Отлично. Еще, конечно же, без бумаги и даже без мыла. Когда у нас в общественных туалетах повсеместно появятся бумага и мыло – я вас уверяю, это будет совершенно другая страна. Держа грязные руки подальше от тела, я вернулась в палату и увидела лежащий на раковине обмылок.

– П-простите, мыло общее? – спросила я в темноту.

– Угу, – пробурчали мне в ответ.

Обмылок был совсем крохотным, вероятно, кто-то просто оставил его и не стал забирать домой, потому мыло и стало общим. По остаточному принципу.

Я снова вернулась на сестринский пост, чтобы сфотографировать расписание отделения. Медсестер на посту не было – вероятно, ушли делать выскабливание, которое хотели саботировать. Под расписанием дремала докторка, которая меня осматривала. Я навела камеру на стену, чтобы сфотографировать мой план на грядущие дни, а докторка тут же проснулась и испуганно посмотрела на меня:

– Не надо меня фотографировать!

– Да я не вас, я это... то... – тыкаю пальцем на стену. Она недоверчиво посмотрела на меня пару секунд, а потом вновь

закрыла глаза.

Время было уже одиннадцать вечера. Я вернулась в палату стелить себе постель. Внутри по-прежнему было темно и ни черта не понятно.

– Ира, эй, пс-с-с! Прикрыть окно? – шепотом спросило что-то маленькое и худенькое.

– Да, пожалуйста, очень дует.

На улице было плюс двадцать пять. Маленькая девушка с длинными черными волосами вскочила с кровати, закрыла окно и легла обратно в постель. У ее тумбы стоял огромный букет цветов, а сама она была в кружевной коротенькой пижамке в горошек: топ и шорты.

– Я не понимаю, зачем идти помогать людям, если ты их ненавидишь? – продолжила шептать она соседке. Та поддакнула. Я мысленно выразила свою солидарность с девушками – у меня ужасно болела ягодица.

Еще где-то час я пыталась заснуть, но получалось плохо. На моей кровати – железном остова с проволокой – помимо основного матраса лежит влагоустойчивый матрас от протеканий, и он так специфически сваялся, что в его середине образовалась огромная яма с резкими краями. И еще он громко скрипел от каждого движения. Дверь в коридор была открыта, оттуда мне в глаза светил яркий мигающий свет, а из-за закрытого окна было совершенно нечем дышать. Я всухомятку съела домашние оладьи из пакета, которые мне в сумку успел заботливо запихнуть мой муж, вспомнила

про читаный-перечитаный много раз опыт задержанных на митингах знакомых, которым приходилось спать в недружественных условиях СИЗО, и надела на глаза медицинскую маску в качестве маски для сна. Так и заснула.

Второй день

Утренний регламент буднего дня в больнице выглядит следующим образом.

До половины восьмого всем означенным пациенткам необходимо собрать мочу в заблаговременно выданную баночку и затем положить ее в синюю продуктовую корзину около поста медсестер. Не до конца ясно, как соблюсти интимную гигиену при сдаче анализа в общественном туалете без мыла и раковины, но тут без вариантов. Затем медсестра ходит по палатам и выкрикивает фамилии тех, кому необходимо сегодня сдать кровь – из пальца и из вены. Обычно она торопится всех назвать, и сонные женщины вываливаются в коридор толпой, чтобы быстрее пройти эту не самую приятную процедуру, но в коридоре на них шикают и просят больше трех не собираться. Стульев и лавок на такую ораву почти нет, поэтому пациентки с недовольными лицами выстраиваются в длинную очередь, подпирающую стены. Опция сдачи крови из вены открывается ровно в восемь утра. У меня звенит не отмененный вчера телефонный будильник, и я просыпаюсь, стоя в коридорной очереди. Никто ни на кого не смотрит, все устало отводят глаза.

В процедурном кабинете светло и чисто, но воспоминания о вчерашнем уколе «гарпуном» еще слишком свежи. Медсестра перетягивает мне руку жгутом, набирает одну про-

бирку, меняет на вторую, потом на третью, потом на четвертую. «Что-то многовато», – думаю я. На пятой она скептически заглядывает мне в глаза и спрашивает:

– Але, ку-ку, ты тут? В обморок не собираешься?

Вначале утвердительно, а потом отрицательно что-то бурчу в ответ. Она набирает шестую пробирку и на этом останавливается.

Далее в половине девятого по сценарию идет УЗИ, которое по времени совпадает с завтраком. В нашу сонную палату заходит молодая докторка и зовет за собой всех новеньких. Сразу трое девушек выходят из нашей палаты, из чего я делаю вывод, что мы все поступили вчера.

Перед кабинетом стоит весьма комфортабельная кожаная софа, на которую в доковидные времена могли бы спокойно сесть трое, но сейчас только двое рискуют сесть, да и то максимально далеко друг от друга, повиснув на подлокотниках. Завязывается непринужденная беседа.

– Что же вы стоите? Садитесь, – обращается к нам молоденькая девушка с темными глазами и такими же темными кучерявыми волосами, которая оказалась шустрее всех и первая заняла диванчик ожидания.

– Ох, спасибо, благодарю, – я радостно плюхаюсь к ней.

– Вы тоже садитесь – мы все тут влезем! Нельзя беременным стоять, вы что, – кудрявая подзывает оставшуюся в стороне высоченную широкоплечую девушку с короткой модельной стрижкой. Та, улыбаясь, мотает головой. Мы по-

жимаем плечами и расслабляемся в процессе ожидания, насколько это возможно, и пропускаем широкоплечую идти первой, раз уж она не хочет садиться.

В этот момент к нашей палате подъезжает тележка с едой и женщина в фартуке – повариха радостно кричит внутрь:

– Девочки, доброе утро! Завтракать!

Мы с кучерявой переглядываемся и, кажется, сходимся в мыслях. Совсем неохота остаться без завтрака. Мы срываемся с дивана и бежим, насколько мы вообще можем это делать, в нашу палату и взволнованно кричим наперебой:

– Женщина, подождите, пожалуйста!

– Подождите!

– Мы там на УЗИ сидим!

– Сидим, да!

– Не успеваем!

– Никак не успеваем!

Женщина хихикает:

– Да не волнуйтесь вы так! Я дождусь вас в столовой. Не буду же я еду выбрасывать, ну вы чего?

Мы довольные возвращаемся на диван, но радость улетучивается, когда из кабинета к нам выходит широкоплечая, на ней совершенно нет лица. Потупив глаза, она проходит мимо нас, так что я даже не успеваю рассказать ей о судьбе завтрака. Я не хочу бежать впереди паровоза и пропускаю кучерявую вперед, чтоб насладиться еще несколькими минутами незнания. Однако ожидание прерывается внезапным

нечеловеческим воем из кабинета – кажется, кучерявая ревет там белугой. Боже, что это за место такое – мне страшно. Пытаюсь занять оставшиеся минуты, сдирая заусенцы с пальцев.

Наконец открывается дверь, и медсестра приглашает меня внутрь, опрашивает и заносит мои данные в журнал. При этом соседка моя все еще там, она не встает с кушетки и продолжает выть. Молодая докторка и узист успокаивают ее как могут. Сюр какой-то. Этот вой заражает меня до трясучки, я сама уже готова зареветь. Наступает момент, когда вой сменяется всхлипами, узист помогает бедняге слезть и выводит ее из кабинета. А я, сжав в руке свои кровавые трусы, которые я так и не успела поменять, ложусь на чертову кушетку следующей.

Сердце сейчас выпрыгнет. Пауза. Тишина. Они смотрят в монитор. Молчат.

Сердце бьется очень громко, раньше такого не было. Что-то не то. Так. Это же не я. Это не мое. Я понимаю внезапно, что звук идет из монитора. Очень громкое и быстрое сердцебиение.

Узист оценивает произведенный эффект от включенного звука быстрым пробросом взгляда на мое лицо и, обращаясь уже к медсестре с документами, строго говорит:

– В матке один живой.

Я рыдаю и почти теряю сознание. Врачи продолжают коммуницировать надо мной на неизвестном мне языке, но я да-

же не концентрируюсь и не слушаю, просто уплываю куда-то на эндорфиновом облачке в туман.

– Ну что ж, – узист наконец обращается прямо ко мне, – у вас гематома. Небольшая. Это не очень хорошо, но, впрочем, и не очень плохо. Будете лежать у нас минимум неделю.

С глуповатой улыбочкой я возвращаюсь в палату. Соседка, которую зовут Ника, селфится на фоне своего подаренного букета, пытаюсь получше поймать свет из окна. Ира, вытянув ноги на кровати, сосредоточенно играет в какую-то игру на своем телефоне. Кучерявая уткнулась лицом в подушку и изредка шмыгает носом. Широкоплечая молча смотрит в стену, лишь изредка убирая катящиеся слезы так, чтоб никто не заметил. Я тихо укладываюсь на свою койку, аккуратно между ними, и стараюсь на всякий случай припрятать свою улыбку.

Обстановка невыносимая.

Отлежавшись, я вспоминаю про завтрак. Мои соседки-новенькие, кажется, совсем аппетит потеряли от горя, поэтому я незамедлительно пользуюсь случаем покинуть царство скорби и отправляюсь в столовую. Повариха бодро наливает мне две поварешки пшеничной каши, дает мягкую булку и стакан слабенького черного чая.

– Только в следующий раз приходи со своей посудой! Ложек и чашек на всех у нас не хватает, – кричит она мне вдогонку.

Смотрю на склад грязной посуды рядом – невероятный

разношерстный набор, достойный экспозиции в музее советских сервизов. Как будто собирали по домам у самих работников больницы – кому чего не жалко или у кого что осталось непобитым. Ну не пропадать же добру, честное слово.

Сажусь и ем прямо там, чтобы не переться обратно в грустную палату. Кажется, раньше пациентки питались в столовой, сейчас же все столы и лавки свалены в одну кучу в углу и замотаны красными предупреждающими лентами. Я пристраиваюсь к углу стола на кусочке торчащей лавки, задумчиво ем водянистую кашу, смотрю, как болтаются от сквозняка бумажные жалюзи, пропуская внутрь свежий, еще не раскалившийся от жары воздух. Если бы кто-то еще два года назад мог сказать про грядущую эпидемию, его посчитали бы сумасшедшим. Беременные спокойно сидели друг рядом с другом на этих лавках, пересказывали кросспалатные сплетни и делились передачками.

Вернувшись в свою палату, попадаю прямо на общий осмотр. Докторка в свежем, чистом и наглаженном белом халате, крепко прижав к груди папочку с историями болезни, вначале опрашивает «стареньких», благо они все лежат по правую сторону от входа.

– Как дела у нашей красотки? – широко улыбаясь, спрашивает она у девушки в кружевной шелковой пижаме – Ники.

– Нормально, – довольно отвечает Ника и крепко обнимает своего большого плюшевого медведя, партнера по лежа-

нию в больничных условиях.

– Ну тогда скоро выпишем, – докторка перекладывает историю Ники в самый низ своей стопочки и достает следующую папку. – Ирина, а у вас как?

– Да нормально, – рыжая соседка не слишком щедра на разговоры и улыбки. – Долго еще лежать?

– Ну полежите еще немного, – докторка кладет на верх стопки следующую историю и подходит к широкоплечей девушке. – Вы как?

Та в ответ начинает плакать.

– Мой муж заразился ковидом и меня заразил, и вот... Теперь...

– Вы что? Зачем вы жили с мужем?! Ребенок от этого и умер! – докторка перестает быть сильно дружелюбной и меняет тон на повышенный, что было довольно неприятно и странно с ее стороны.

– Я не знала о беременности, – виновато шепчет девушка, пристально рассматривая свой аккуратно наманикюренный палец.

Докторка вздыхает и долго рассматривает ее документы. Потом говорит:

– Что будете выбирать: выскабливание бесплатно или же медикаментозный аборт? Но он дорогой.

– Конечно же, второе! – с недоумением в глазах отвечает девушка.

– Хорошо. Но, просто чтобы вы понимали, ковид – это

достаточно серьезная вещь. У нас тут недавно девушка дополнительные две недели лежала только лишь потому, что ее муж заболел и мы ее не отпускали. Ведь это опасно! Ковидом нельзя болеть, когда беременная! Детки погибают!

Моя очередь. Мне даже как-то неловко оставаться единственной беременной среди двух других новеньких девушек, которым повезло немного меньше. Докторка просит меня лечь и долго щупает мой живот. Вероятно, в этой больнице это самый точный метод исследования.

– Плохо, плохо, у вас сильный тонус. Пожалуй, нужно еще уколов вам добавить и еще, пожалуй, но-шпу.

– О нет, – говорит за меня моя задница.

– Вам обязательно нужно лежать, – невзирая ни на что продолжает докторка, – двигаться нельзя ни в коем случае, и вообще никак не задействуйте мышцы своего живота... А что это у вас такое?! Пирсинг?! Какой кошмар! Немедленно снимите!

Крошечная сережка на пупке обычно сводит всех врачей с ума.

– Да, конечно. Спасибо, что сказали, я и не знала. Прямо сейчас сниму, – ответила я спокойно, только лишь ради того, чтоб от меня отстали. Конечно же, снимать я ничего не собиралась – зачем? Живот еще совсем маленький, а дырка поди зарастет. Когда же я после родов найду время ходить перепрокалывать?

Следующая на опросе была кучерявая. Она не переставала

ла тихо плакать с начала обхода. Хотя в какой-то момент она притихла, свернувшись калачиком и промокнув платочком слезы. Но когда докторка обратилась к ней, вновь разрыдалась на всю палату.

– С пятой недели он мертвый! С пятой недели он мертв! Я месяц хожу с мертвым ребенком, и никто мне не помог!

– Машенька, не плачьте, – докторка пыталась ее успокоить, но получалось не очень успешно.

– Это будет мой второй аборт! Но я не хотела сейчас аборт, я ребенка хотела, а он умер! Да я и первый не хотела аборт, но врачи настояли, что я молодая очень, что мне не нужен ребенок, и я согласилась, что, наверное, не нужен, а сейчас был нужен, но он умер! Почему так? И никто не помог – в консультации не хотели принимать врачи, и УЗИ не хотели мне делать. Я даже в страховую звонила ругалась, но ничего не помогло! А я знала, что что-то не так, я чувствовала! И он умер! Он умер у меня внутри! И я ничего не могла сделать.

Я пытаюсь сдерживать собственные слезы, в ушах звенит, все это слушать очень больно. Сдерживать в итоге не получается, и я тоже рыдаю, хоть и пытаюсь это скрыть. Все остальные также затихли в напряжении. Маша, выговорившись, затихает.

– Будем делать выскабливание? – докторка садиться к ней на кровать.

– Нет, конечно, только таблетки. Я хорошо помню, как это

было больно в первый раз. Я очень сильно боюсь боли.

– Хорошо, – докторка покидает нашу палату.

Мы остаемся одни, каждая замыкается в себе, пытаюсь переварить увиденное и услышанное. Ника смотрит в окно, Ира – в свой телефон, Маша – в пустоту, а моя широкоплечая соседка – в стену. Внезапно я улавливаю носом резкий неприятный запах, похожий на кошачью мочу, который отрезвляет мою тоску. Я недоверчиво осматриваю своих соседей, пытаюсь понять, от кого из них так стремно пахнет. Но все выглядят прилично. Оставляю эту загадку на потом.

Жизнь в палате снимается с тяжелой паузы и продолжается дальше. Широкоплечая достает из своей сумки огромную иллюстрированную книгу по архитектуре модернизма, надевает прямоугольные очки с тонкой оправой и погружается в чтение. Остальные поочередно, чтоб не мешать друг другу, созваниваются по телефону с близкими и сообщают им свои новости: все хорошо, скоро домой; все хорошо, но еще держат; все плохо очень плохо, плохо. Я гуглю в Интернете тонус матки и узнаю, что мой диагноз совершенно бессмысленный, поскольку матка – это мышца и для нее совершенно естественно быть в тонусе время от времени. Но кто я, чтобы спорить? Сказали, надо лежать. Лежу.

Вскоре приходят медсестры делать утренние уколы. Я радуюсь, что это испытание буду проходить лежа, а не стоя, но мгновенно перестаю это делать, когда мне ставят три укола подряд в мою и так уже синюшную задницу: прогестерон,

какое-то кровоостанавливающее и что-то еще, вероятно ношпу. Держа положенные две минуты ватку со спиртом на месте укола, я случайно нащупываю животом удобную яму в матрасе – он идеально туда заходит, и в кои-то веки я могу расслабиться и неожиданно сладко засыпаю.

Просыпаюсь от хлопка по попе и обалдеваю от этого факта. Это в палату зашла докторка и решила шлепнуть меня, сказав:

– Попа, просыпайся! Тебе нельзя на животе спать, ты же ребенка давишь!

Я бурчу что-то про удобную яму, но она непреклонна. Мой сладкий сон жестоко прерван, и, сдавшись, я переворачиваюсь на бок. Позже выясняется, что и на спине мне также нельзя спать – только на боку и желательнее левом. Как человек, привыкший вертеться во сне, я опечалена.

Просыпание мое, ко всему прочему, приходится на самую жаркую часть дня. Наши окна выходят на юг, там раскаленное солнце подогревает нас до тридцати градусов, невзирая на закрытые шторы. В палатах напротив, как назло, – тень, открытые окошки и свежая прохлада, а мы лежим каждая в своей липкой потной кучке. Я замечаю, что все мои соседки с легким насморком и кашлем – в контексте недавней утери ребенка от болезней меня это совсем не радует. Забавно, что часто почему-то именно чихающие и болеющие любят закрывать все окна наглухо – видимо, чтобы страдать не в одиночестве, а распространить свои болезни на всех людей в

помещении. Впрочем, сейчас открытое окно лишь усугубило бы жару в палате.

Я пытаюсь как-то развлечься, но наушников у меня с собой нет, поэтому я читаю книгу, которую впопыхах, не глядя закинула в рюкзак при сборах – «Московский дневник» Беньямина. Он ужасно занудный, все ему в Москве не нравится: то возлюбленная Ася пообещала прийти и не пришла; то пообещала и пришла, но была грустна; то ее будущий муж таскает их всех вместе на какие-то проходные авангардные спектакли, которые он изучает – вот прямо как я, когда нахожу какой-нибудь дерьмовый ужастик из девяностых, где ничего не видно и не слышно, и убеждаю всех его обязательно посмотреть. А еще, продолжает жаловаться Беньямин, все в Москве говорят по-русски, и он так одинок. Внезапно темнеет – это Ира встала и наглухо закрыла окно шторами, чтобы солнце не превратило ее кровать в кусочек пепла. Мне приходится включать индивидуальную лампу.

Отвлекаюсь на телефон. Там пишет мама, что тоже лежала со мной в больнице на сохранении из-за крови – неудачно подняла ведро с водой в бане. Говорит, ее месяц держали в больнице, вначале строго лежа, потом немного разрешили походить. Месяц! Столько мне тут находиться совсем не хотелось. Надеюсь, не этот срок имела в виду сотрудница скорой помощи.

В половине второго привозят обед. Все та же веселая повариха заглядывает в каждую палату и смешно пытается до

всех докричаться:

– Девочка, ты есть будешь? А эта девочка почему не ест? Девочка, просыпайся, обед приехал. Девочка! Доброе утро! Кушать, девочка, кушать!

Красотка Ника дремлет в душном тенечке и отказывается от еды. Завтрак она тоже не ела. Наверное, брезгует. Позже я понимаю почему – тут такая еда, которой невозможно наесться, – никаких белков, только быстрая энергия. На обед дают жидкий овощной суп, а на второе – все те же овощи, но уже с тремя ворсинками тушенки. И сладкий компот. Второе блюдо чем-то воняет, что отбивает аппетит, но я давлюсь и ем. Ничего другого нет. Радуюсь, что меня хотя бы перестало тошнить, а то несколькими неделями ранее только так выворачивало от токсикоза. Что удивительно, мое обоняние при этом настолько усилилось, что я хорошо чувствовала, что готовят на обед соседи двумя этажами ниже и что кто-то осмелился закурить на соседней улице. И от всего этого меня сильно тошнило. Меня даже отправили на капельницы с витаминами, от которых постепенно стало хорошо и приятно. Возможно, сработал эффект плацебо и просто внимательное отношение врачей. Больше всего мне запомнилось приятное ощущение прохлады, идущей по вене от загадочного медицинского раствора на фоне удушающей жары и раскаленного тела. Наверное, я ходила туда только ради этого. Когда тебе кажется, что тебя действительно лечат, а не просто пускают по течению, ты начинаешь верить в свое исцеление, сделав

его возможным. Но в случае с токсокозом, полагаю, это был лишь только вопрос времени.

К Нике и Ире заходит в гости какая-то пациентка, видимо, из другой палаты. Похоже, что им удалось завести друзей в отделении. Интересно, в какой очереди это произошло. Она говорит, что выписывается, желает всем счастья и чтоб все обязательно родили. И ты, и ты – обводит она пальцами всех.

Маша и Широкоплечая (я до сих пор не знаю ее имени, к своему стыду), стиснув зубы, отворачиваются в сторону, едва скрывая подступающие эмоции, Ника и Ира замечают это и смущаются, но гостье виду не подают. Она уходит. В палате висит неловкая пауза. Гостья, к сожалению, не знала, что не нужно всем наобум говорить про роды – одни могут не хотеть их вовсе, а у других они могут быть невозможны.

Оказывается, что все время лежать очень тяжело и скучно. Особенно после еды. Особенно когда становится все жарче и жарче. За окном уже, наверное, тридцать пять градусов. Со скуки разглядываю потолок в ожидании любых событий. Все тело уже затекло и болит. Опять приходит докторка и говорит, что медикаментозный аборт стоит пять триста. Обе девушки приятно удивлены такой ценой. «Ого, так дешево, я думала больше будет!» – говорит Маша. Я пребываю в шоке, для меня это совсем не дешево. Они уходят на пост оплачивать сумму, возвращаются с квиточками, и спустя минут двадцать им приносят таблетки.

– Одну пьете вечером. Поняли? А все остальные – как

проснетесь, с утра, строго каждые два часа. Поняли? Точно? – строго машет пальцем в воздухе докторка.

– Угу, – синхронно бубнят девушки.

Я понимаю, что на фоне жары остро встает вопрос поиска душа. Он определенно тут есть, я видела девушек с полотенцами, но его надо искать, а у меня пока на это нет сил. Ходить мне страшновато – врачебные запугивания все же имеют надо мной власть. Решаюсь освежить подмышки в раковине у туалета, заметив, что ей все равно никто не пользуется – там нет мыла, и в основном все моют руки с мылом в собственных раковинах в палате. Пока я плещусь, из кабинки выходит большая женщина с суровым взглядом и принципиально встает за мной, смотрит недовольно и ждет, когда я освобожу ей раковину. Я нервничаю и пропускаю ее вперед, она же с великим достоинством окунает три пальчика в проточную воду на пару секунд, а затем царской походкой выходит прочь из туалета. Сомневаюсь, что потом она помоеет руки в палате с мылом после того, как потрогает все больничные двери по пути туда. Спешно заканчиваю начатое, смываю мыло, забираю улики и покидаю место подмышечного преступления.

В пять вечера приезжает ужин. Грохочущая тележка веселой поварихи привозит для каждого миску каши, немного хлеба и разбавленного чая. Очень рано и очень мало. Через пару часов я снова проголодаюсь и до утра буду страдать. Целый день сегодня ощущаю ужасное чувство голода.

Вскоре приходит муж и приносит мне первую передачку. Его, к счастью, запускают прямо на этаж. Я выползаю в комнату для встречи, по совместительству являющуюся коридором у лифта. По стенкам стоят несколько стульев, а на стенках висят плакаты о том, какая замечательная тут больница. Напротив нас сидит женщина и обнимается с сыном-дошкольником, в то время как ее муж нервно теревит пакет. Она недовольно смотрит на нас, мы на нее, и в итоге все шепчутся, а то вдруг кто-то кого-то подслушает – непорядок. Выражать эмоции на виду у других тоже никому особо не хочется.

Мой муж все еще за меня сильно волнуется, поэтому он весь на нервах. Я же порядком успокоилась и приготовилась к долгому и скучному лежанию, так что мне его нервов совсем не хочется. Общение не получается в силу многих причин. Я говорю ему спасибо, забираю пакет с «сокровищами» и ухожу обратно в палату. Теперь у меня есть наушники, вода и что самое радостное – сосиски. Лучшее лекарство против голода.

Около восьми вечера я разогреваю их в микроволновке в пустой столовой. Она медленно наполняется божественным ароматом. Из сосисочек вытекает жирок, и я чуть не умираю от экстаза. Никогда не думала, что можно так кайфануть от обычных сосисок. Голод преобразует сознание. Над микроволновкой висит огромное объявление: «Употребление мясных продуктов, принесенных из дома, строго запрещено».

«Ага, конечно, разбежалась!» – думаю я, перекатывая языком сочный кусочек сосисочки из одной половины рта в другую.

Накушавшись сосисок втихаря от соседок, чтоб не донесли на меня начальству, я возвращаюсь в палату и составляю себе список фильмов для просмотра – шанс не помереть от скуки в ближайшие дни. В основном это фильмы ужасов. Однажды родители признались мне, что в детстве часто показывали мне ужастики, чтобы я ничего не боялась. Не уверена, что стратегия сработала по задуманному плану, однако с тех пор фильмы ужасов занимают существенную нишу в моей обширной синефилии. По сути, любой ужастик – это просто сказка с моралью и нотациями, и у нее есть свои задачи. Например, сообщить, что приемлемо в обществе, а что – нет. Поэтому по ужастикам интересно судить о коллективном бессознательном того времени, когда было снято кино. И, зная эти механизмы, можно, наоборот, создавать новые правила и ломать душную мораль изнутри, задавая новые, прогрессивные паттерны. В любом случае, жизнь всегда страшнее и безжалостнее, чем любой ужастик, поэтому смотрю я их скорее в терапевтических целях.

Но я отвлеклась. Мой масштабный список начался с низкобюджетного японского j-хоррора конца восьмидесятых. Дешевые ужастики интересны тем, что отсутствие большого бюджета позволяет им не следовать законам рынка, а значит, там больше свободы для экспериментирования. Ну, или же

наоборот, в них можно наблюдать совершенно выхолощенное, образцовое эксплуатирование всех штампов. И то, и то по-своему интересно.

У фильма, который я выбрала первым, были только английские сабы, но зато невероятно крупные, и значит, на экране своего смартфона я могла что-то прочесть. Однако солнце все еще яростно лупит в окна, и мой экран совершенно не в состоянии передавать в таких условиях все оттенки темного «замыленного» VHS. Поэтому я просто читаю субтитры, с трудом догадываясь о происходящем. Но делать больше нечего. По-прежнему ужасно жарко. Уже, наверное, можно бы и приоткрыть окно, но все закрыто, потому что соседкам моим холодно, черт возьми.

Так доживаю до вечерних уколов. В палату заходит медсестра и спрашивает:

– Кто Игнатова? Ей нужно поставить но-шпу.

Я вскакиваю и кричу:

– Мне надо но-шпу, но я не Игнатова.

Медсестра рассеянно роется в бумажках, у нее что-то не сходится, она спрашивает мою фамилию, опять роется и потом говорит:

– Ну давайте и вам тогда, черт с вами.

Делает мне два укола и уходит. Чуть позже возвращается Широкоплечая и спрашивает, не приходила ли медсестра с но-шпой. Это она, значит, у нас Игнатова, ага. Я начинаю волноваться, а правильно ли я поступила, что попросила но-

шпу себе. Ведь докторка вроде бы сказала с утра. Или это было вчера, а может, это даже сказали не мне. Тут возвращается медсестра и колет Игнатовой но-шпу. Теперь мне кажется, что медсестра вообще все напутала и случайно вколола мне даже и не но-шпу, а что-то другое, например укол для аборта Игнатовой. Ведь было два укола – это крайне странно. Боже мой, что я наделала, я могла бы просто промолчать, а я зачем-то высунулась и стала сама для себя что-то просить. Это катастрофа! Это конец! Медсестра по-любому все перепутала!

На этой ноте я, взлохмаченная от угрызений мнительности, выбегаю в больничный коридор за медсестрой.

– Па-па-падождите, пожалуйста! Стойте! – кричу я ей взволнованно. – Я, кажется, все перепутала, и вы мне чужой укол поставили. Скажите, это очень страшно? Это все? Конец?

Медсестра смотрит на меня как на сумасшедшую, а потом, выдержав паузу собственной значимости, невозмутимо отвечает:

– Вам тоже положена но-шпа – у меня в документах вы есть. Я все проверила. Идите лучше спать.

Успокоившись, я возвращаюсь в свою кровать. Маша и Игнатова приняли первые abortивные таблетки и зависают в своих телефонах. Ира и Ника мерно посапывают. Неожиданно я понимаю, что кошачьей мочой воняет изголовье именно моего матраса. Что тут делал кот? Тоже аборт?

Или лежал на сохранении? Или кто-то не смог расстаться со своим домашним питомцем в больнице? Вряд ли это был какой-то залетный кот, тут достаточно высоко от земли. Залетный кот. Смешное сравнение для этого отделения. С этими мыслями я натягиваю на глаза принесенную мужем нормальную плотную маску для сна, вставляю беруши и благополучно засыпаю.

Третий день

Мое утро начинается с чужих стонов – Игнатова и Маша мучаются от процесса аборта. Игнатова начала на два часа раньше, чтоб побыстрее закончить, поэтому она уже просто лежит калачиком, тяжело вздыхает и пытается смотреть документальный фильм в наушниках с телефона. Подставки у нее нет, поэтому телефон все время соскальзывает, она сама передвигается, телефон опять падает, опора для него оказывается неустойчивой, и в очередной раз какая-то пластиковая бутылка летит с ее тумбочки на пол, не выдержав напора документалистики. Маша же начала только что, поэтому все время мается и громко стонет. Время от времени они обе выходят в туалет менять прокладки.

Маша что-то меня спрашивает, но я не слышу из-за наушников. К тому же на экране именно в этот момент инопланетный монстр вылезает из тела японца. Интересно, это было снято до и после «Чужого»? Надо бы проверить. Я вынимаю наушник:

– Как думаешь, если я попрошу медсестру об обезболе, она мне его сделает? – шепчет мне Маша.

– Думаю, да, сходи спроси, – отвечаю ей я и запикиваю наушник обратно, чтоб узнать, что за жесть будет дальше.

Маша выходит из палаты, но вскоре возвращается не очень довольная. Я не спрашиваю причину, ибо очень увле-

чена своим фильмом. Вероятно, ей отказали. Офигеть, вылезшее инопланетное чудище собирается захватить мир! Они из чего его сделали? Из поролона? Во дают! Чуть позже заходит узист и спрашивает Машу о самочувствии. Она жалуется:

– Мне очень плохо! Крови очень много, я сейчас чуть в обморок не упала прямо в туалете! Думала все, сейчас отключусь и здравствуйте!

– Так попросите у медсестры обезболивающее, – узист в недоумении.

– Так я просила, и она мне отказала. Говорит – не положено! Мол, остановится весь процесс аборта, – Маша плачет.

– Что за ерунда? Ничего там не остановится. Подойдите еще раз и скажите, что я разрешил, пусть вколют кетанол. Тем более они могли вам хотя бы но-шпу предложить.

– Ничего не предложили. Мне все время с врачами не везет.

– Давайте я вам помогу, – узист подает ей руку и отправляет в коридор. – Светлана! Что такое? Помогите девочке, я разрешил, – кричит он медсестре.

Маша уходит.

Узист продолжает осмотр и просит меня лечь поудобнее.

– У вас ушел тонус, это очень хорошо, – говорит он, наминая мой живот. – Но вот пирсинг – это непорядок. Ай-яй-яй! Нужно убрать. Нельзя быть беременной с пирсингом.

Он очень строг.

– Да-да, конечно, обязательно сниму, – говорю я, но думаю «Да щас, разбежалась!»

– А кстати, а вы не хотите путевку в Крым? Бесплатно, – внезапно спрашивает он меня.

– Э-э-э... – начинаю блеять я, но он продолжает.

– У нас есть квоты от больницы. Хотите? Бесплатно отправим в санаторий для беременных. Все включено, заезд, правда, только с двенадцати недель, но вы тут полежите еще, а потом сразу в Крым, как вам такая идея? Прекрасные курорты!

Я окончательно теряю дар речи и думаю, насколько это этично – сейчас соглашаться ехать в Крым. Но ведь это бесплатно! Обалдеть – мне государство дает что-то бесплатно! Ведь у меня никогда не будет такой возможности поехать в санаторий. А я и не поеду – зачем мне такая роскошь? Я ее не заслужила, да и дорого. Но тут как бы бесплатно, да еще и настаивают...

– А-а-а, так вы безработная! Какая жалость, – узист прерывает мой поток мыслей, внимательно взглядевшись в мою карточку.

– Я самозанятая! – возмущенно бравирую я.

– Какая разница, это тоже самое. Тогда, увы, ничего предложить вам мы не сможем, это только для работающих.

Вот я уже и расстроилась – то ли от утраченного отпуска, то ли от очередного непризнания моих трудов затрат. Вот так работаешь без выходных и отпусков за копейки, а ты все рав-

но безработный. Безработный, который еще и налоги платит, – редкой неудачи и невезения человек.

Узист идет дальше, осматривает Нику – у нее все хорошо, и кажется мне, что она не беременна и даже не была беременна, а прибыла сюда по каким-то иным причинам. Ей колют витамины, которые она сама же и купила, потому что в больнице их не было, и обещают завтра отпустить.

Дальше узист спрашивает Иру:

– А вы где работаете?

– В военкомате, – отвечает она сухо и четко. Узист приходит в восторг.

– Замечательно! Даже в госучреждении! Прекрасно! А вы хотите в санаторий? Там так замечательно! Он прямо рядом с нудистским пляжем расположен!

– Конечно хочу! – Ира долго не думает.

– Отлично! Тогда я напишу, чтоб заказали вам путевку, прямо отсюда вас туда и отправим.

Я медленно сгораю от зависти. Узист уходит, Ира говорит сама себе вслух:

– Офигеть! А я думала, так и не поеду никуда этим летом.

Я пытаюсь обуздать свою зависть и успокаиваюсь. Ну работает человек, в отличие от меня «безработной», ей тоже отдых нужен. Возвращается довольная Маша, добившаяся укола коррупционным способом.

На обед внезапно дают котлету и пюре. Я счастлива. Состав котлеты до конца не ясен, однако на вкус в целом непло-

хо. Эффект котлетного плацебо, пусть даже это слепок из гречки с кубиком магги.

Набив желудок, сажусь на вечерний кинопросмотр, очередной j-хоррор: в ничего не подозревающего мужика подсаляется сатанинский эмбрион, растет там благополучно, а потом понимает, что немного ошибся и мужик родить его не сможет. Эмбрион телепатически ищет подходящую ему женщину и залезает в нее через этого мужика, чтобы наконец-то по-человечески родиться. Отличный выбор для просмотра в гинекологическом стационаре, черт возьми! Но несмотря на жуткие реалистичные кадры, кишки и кровь, я благополучно засыпаю в середине фильма. Просыпаюсь спустя тысячелетие от духоты, слепящего солнца и нежных криков поварихи:

– Девочки, ужин!

На ужин опять каша. Крупы всегда разные, но консистенция одна. Маша, заметно повеселевшая после обезболивающего, пытается выяснить у нас, где тут можно курить.

– Наверное, только на улице. Везде же висят объявления, что курение запрещено, – отвечаю я лениво. Сомнительно, что тут оборудованы отдельные курилки, но мне, как некурящей, глубоко безразлично, где они там будут курить, лишь бы от меня подальше.

– Ну, объявления – это ерунда! Там и про мясо написано, что нельзя есть из дома, а все равно все едят, – ехидно смотрит на меня красотка Ника.

Я вспоминаю свои запретные сосиски и пристыженно

умолкаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.